

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА

С.А. Елизаров

*Гомельский государственный технический
университет имени П.О. Сухого,
Республика Беларусь*

Исторически центральным механизмом формирования восточно-славянского менталитета служила сельская община. Достаточно распространенным является мнение о коллективизме как определяющей ментальной характеристике восточно-славянских народов в противовес индивидуализму как явлению последнего времени, навязываемому Западом и традиционно не свойственному для восточных славян. Однако исследования свидетельствуют о существовании значительно более сложной системы соотношения коллективистского и индивидуалистского у народов Восточной Европы. В кратком виде ее основные характеристики, сложившиеся в лоне традиционной восточно-славянской общины, на наш взгляд, состояли в следующем.

1. Трудовой принцип владения землей. В его основе лежит убеждение – земля либо Божья, либо государственная, что вытекает из традиции рассматривать единственным источником приобретения имущественных прав только личный труд. А так как земля не является продуктом труда, то не должна находиться в частной собственности, а только во временном пользовании. В связи с этим и право пользования землей и ее плодами в крестьянской среде распространялось только на тех, кто непосредственно работал на земле. Соответственно, прекращение трудовой деятельности на земле лишало права на ее владение. Естественно, представление о личном труде («трудовой принцип») как гарантии права на владение землей и распоряжение результатами своего труда приводило и к отрицанию частной собственности на землю.

2. Индивидуально-коллективный характер крестьянского труда. Индивидуалистическая составляющая выражалась в необходимости личной работы и заботы о своем наделе, который каждая семья самостоятельно обрабатывала и жила за счет самостоятельно выращенного продукта. Коллективистская – в строгом общем ритме трудовой деятельности, его одновременности, что значительно ограничивало сферу личной инициативы. Веками сохранялись выработанные ритм и нормы труда, режим дня, последовательность хозяйственных действий, начало и завершение работ. Этот всеобщий ритм охватывал весь общинный коллектив и не позволял членам этого коллектива из него выбиться.

3. Прежде всего коллективизм как совместный труд проявлялся в критических ситуациях – либо в организации коллективной бесплатной работы при необходимости оказания помощи члену своего сообщества («толока»), либо в совместной трудовой деятельности для общих целей (строительные, ремонтные и др. работы).

4. Коллективизм достаточно четко проявлялся в функционировании «мирского» самоуправления – здесь сила коллектива выражалась в максимальной степени, определяя обязанности своих членов, нормы и правила их поведения. Крестьянский «мир» являлся мощным орудием эффективного социального контроля за поведением индивида, контроля постоянного, строгого, от которого нельзя было скрыться. Сила «мира», нравственные, а при необходимости и экономические рычаги позволяли ему действительно регулировать образ жизни в соответствии с традицией, культивировать идею общинного коллективизма, взаимопомощи, сдерживать естественный индивидуализм мелкого производителя. «Мир» создавал праведный стандарт, ориентированный на сотрудничество, коллективную ответственность, защиту члена общества в обмен на признание этого стандарта и ограничения личных свобод.

5. Индивидуализм в чистом виде проявлялся прежде всего в отношении к произведенному своим трудом – здесь отсутствовали даже элементы коллективизма (все, что

произвел крестьянин своим трудом, рассматривалось как его неприкосновенная собственность).

Каким же образом соотносится данный классический тип гармонизации коллективистского и индивидуалистского с современными представлениями в условиях переходного, далекого от стабильности периода? Определенным образом ответ дают различные социологические опросы, в частности, проведенный творческим коллективом преподавателей Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого опрос студентов, рабочих и служащих Гомельской и Брестской областей (Беларусь), г. Городня (Украина), г. Клинцы (Россия).

Во-первых, по-прежнему коллективизм рассматривается как существенная черта, характерная для восточно-славянского менталитета и отличающая его от других народов европейской цивилизации: по мнению респондентов, среди семи наций (русские, украинцы, немцы, белорусы, литовцы, поляки, американцы) именно для восточных славян, прежде всего, присущ коллективизм (для русских – 49 % в 1997 г. и 41,7 % в 1998 г.; белорусов – 37,7 % в 1997 г. и 40,4 % в 1998 г.; украинцев – 25,6 % в 1997 г. и 26,1 % в 1998 году).

Во-вторых, коллективизм прежде всего воспринимается респондентами как «объединение людей для общих действий независимо от социального и имущественного положения» и в этом виде выступает как классический корпоративный принцип поведения людей (в 1997 г. такое понимание коллективизма зафиксировали 62,9 % опрошенных, в 1998 г. – 62,4 %). Среди представителей всех восточно-славянских народов такое понимание коллективизма преобладает над иными вариантами (в наибольшей степени это присуще белорусам – 65,4 %).

На втором месте – понимание коллективизма как «общих принципов и норм поведения» (49,9 % в 1997 г., 48,3 % – в 1998 г.). И в данном случае такое восприятие коллективизма занимает другую позицию у респондентов – русских, белорусов, украинцев при относительно большем количестве приверженцев среди белорусов (50,3 %). В современном обществе коллективизм как принцип ограничения поведения человека определенными общими принципами и нормами поведения выступает в той же роли, в какой он выступал в традиционной общинной организации – в роли важной структурной единицы традиционного права, т. е. совокупности выработанных и принятых обществом неписанных норм и правил поведения, взаимоотношений людей в различных сферах производственной, общественной и семейной жизни. Со временем это традиционное право вытесняется правовыми нормами, однако сохраняет свое важное значение в регулировании поведения людей. В этом смысле общинное понимание коллективизма и современная его интерпретация принципиально не отличаются.

Третью позицию занимает понимание коллективизма как «подчинения личных интересов общим» (42,3 % – в 1997 г., 36,1 % – в 1998 г.). Здесь отношение представителей разных восточно-славянских народов отличается: если для русских и белорусов данное понимание коллективизма стоит по значимости на 3 месте, то для украинцев – на 4-м, уступая понятию коллективизма как «принципа справедливого распределения материальных и духовных ценностей».

Перечисленные выше варианты понимания коллективизма соответствуют традиционному его пониманию, зародились и развивались в лоне традиционных «локальных миров» (сельских общин), в ряде случаев распространяя действие на более широкие социальные организмы. Таким образом, в самом общем виде коллективизм в настоящее время ассоциируется у большинства опрошенных с принципом жизнедеятельности, предполагающим объединение усилий всех членов определенного сообщества на основе примата общих интересов над индивидуальными.

В-третьих, традиционный коллективизм на первичном уровне («локальные миры») подразумевал обязательность принципа взаимопомощи. При этом в условиях традиционной сельской общины помощь предполагалось оказывать «своим» (т. е. членам

своей общины), а «чужие» выходили за рамки этих отношений. Для современного человека такое понимание коллективизма в значительной мере теряет свое значение – более 3/4 опрошенных основную надежду в решении собственных проблем склонны возлагать на самих себя. Однако принцип взаимопомощи (коллективизм как принцип «один – за всех, все – за одного») по-прежнему действенен на уровне модернизированных «локальных миров», состоящих из родственников и знакомых (более 1/3 респондентов в решении своих проблем обратятся за помощью к семье, родственникам, друзьям). Эти современные «локальные миры» теряют производственный принцип (только 3,5 % опрошенных обратятся за помощью производственного коллектива).

Вместе с тем, традиционный коллективизм предполагал принцип взаимопомощи, т. е. взаимных обязательств по поддержке членов сообщества в различных жизненных ситуациях, значительную готовность к самопожертвованию и самоограничению. Современный человек, еще признавая необходимость помощи ему со стороны других людей, сам демонстрирует достаточно малую готовность в обыденной жизни даже к скромным формам самопожертвования. Стремление оказать помощь представителям своей нации присуще русским по представлению 16,8 % респондентов в 1997 г. и 28,8 % – в 1998 г., белорусам – 18,2 % в 1997 г. и 27,9 % в 1998 г., украинцам – 19,3 % в 1997 г. и 22,4 % в 1998 г. На вопрос анкеты «Если бы Ваши личные доходы увеличились в 2-3 раза, то как бы Вы ими распорядились?» только 9 % ответили: «Потратили бы на оказание помощи людям, оказавшимся в беде» (при этом – 45 % – на приобретение жилья, автомобиля; 34,8 % – на приобретение предметов длительного пользования).

В-четвертых, традиционное соотношение коллективизма и индивидуализма (в рамках общины) и современная его интерпретация существенным образом не отличаются. Как указывалось выше, исторически восточные славяне достаточно четко различали сферы жизнедеятельности, где приоритетны принципы либо коллективизма, либо индивидуализма.

Проведенные нами опросы в 1997 и 1998 гг. дали результаты, принципиально не выходящие за рамки указанной традиции. На вопрос «В каких случаях жизни оправдано применение принципов коллективизма, в каких – индивидуализма?» получены следующие ответы: коллективизм для абсолютного большинства респондентов 1998 г. оказался незаменимым при защите Родины (89,9 %), в критические периоды развития общества в мирное время (76,3 %), в сложных, важных жизненных ситуациях (77,1 %), в производственной деятельности (72 %). В свою очередь индивидуализм приоритетен в повседневной жизни (75 %), в распределении и использовании результатов труда (59,1 %).